

К ВОПРОСУ О ПОТЕРПЕВШЕМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 123 УК РФ

ON THE QUESTION OF THE VICTIM OF THE CRIME UNDER ARTICLE 123 OF THE CRIMINAL CASE OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. Chigrinets

Summary. This research article is devoted to a comprehensive study of the status of the victim of the crime under Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal induced termination of pregnancy). The author analyzes existing doctrinal approaches to the definition of victim and examines the dualistic nature of this concept in the context of this crime. Particular attention is paid to the legal status of the woman as an obvious victim and the fetus as a latent victim, whose right to life, given the medical threshold of viability (22 weeks of pregnancy), is violated as a result of the assault. The article also addresses the moment of commencement of the right to life and its implications for the classification of the act under analysis.

Keywords: victim, right to life, fetus, fetal viability, pregnant woman, illegal termination of pregnancy.

Чигринец Владислава Сергеевна
Преподаватель, Санкт-Петербургский
государственный университет
аэрокосмического приборостроения
chigrineczv@mail.ru

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена комплексному исследованию статуса потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации (незаконное проведение искусственного прерывания беременности). Автор анализирует существующие доктринальные подходы к определению потерпевшего, а также рассматривается дуалистическая природа данного понятия в контексте данного состава преступления. Особое внимание уделяется правовому статусу женщины как очевидного потерпевшего и плода как латентного потерпевшего, чье право на жизнь, с учетом достигнутых медицинских рубежей жизнеспособности (22 недели беременности), нарушается в результате посягательства. В статье также поднимается вопрос о моменте начала действия права на жизнь и его импликациях для квалификации анализируемого деяния.

Ключевые слова: потерпевший, право на жизнь, плод, жизнеспособность плода, беременная женщина, незаконное прерывание беременности.

Защита жизни и здоровья человека является одним из основополагающих принципов российского законодательства, закрепленных в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) [1]. В уголовно-правовом поле данный принцип реализуется через систему норм, устанавливающих ответственность за посягательства на эти важнейшие блага. Преступление, предусмотренное ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2], — незаконное проведение искусственного прерывания беременности — является одним из таких составов, имеющих сложную юридическую природу и вызывающих постоянные дискуссии в правовой доктрине и правоприменительной практике.

Одной из наиболее острых и недостаточно разработанных проблем является вопрос о потерпевшем в данном преступлении. В научной литературе отмечается, что «потерпевший — это субъект уголовно-правовых отношений, признаки которого либо специально закреплены в уголовном законе, либо вытекают из характеристики охраняемых уголовным законом общественных отношений, чьи права были нарушены совершенным в отношении него как оконченным, так и неоконченным преступлением или иным общественно опасным

деянием другим лицом и тем самым вопреки его воле, либо помимо его сознания, причинен вред либо создается угроза причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам» [3, с. 166]. А С.В. Анощенкова в своем исследовании обобщила различные интерпретации понятия потерпевшего следующим образом: «субъект охраняемых уголовным законом общественных отношений, чьи права были нарушены преступлением путем причинения вреда, предусмотренного уголовным законом, либо угрозой причинения такого вреда» [4, с. 166]. Таким образом, потерпевшим необходимо признавать физическое лицо, которому в результате совершения деяния причиняется вред, либо создается угроза причинения такого вреда.

В уголовно-правовой науке не существует единого мнения относительно потерпевшего от незаконного проведения искусственного прерывания беременности. Несмотря на это, наиболее распространенной точкой зрения является та, где отмечают, что непосредственным потерпевшим является сама беременная женщина, которой причиняется физический (вред здоровью, смерть) или моральный вред. Эта позиция подкрепляется квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 123 УК РФ, прямо указывающим на причинение тяжкого

вреда здоровью или смерти потерпевшей. Но, в науке уголовного права бытует мнение о том, что в некоторых случаях потерпевшим может выступать и плод.

В первую очередь, стоит отметить, что фундаментальным правом, гарантированным ст. 20 Конституции РФ, является право каждого на жизнь [1]. Данная норма, будучи основополагающей, создает правовую основу для уголовно-правовой защиты человеческой жизни на всех стадиях её существования. Однако, момент начала охраны права на жизнь, а, следовательно, и возможность его нарушения в рамках уголовного законодательства, является предметом интенсивных дискуссий, особенно в контексте преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ.

Несмотря на отсутствие в действующем законодательстве прямого признания плода субъектом права до момента рождения, сама возможность его существования и развития, а также его потенциальная жизнь, заслуживают внимания с точки зрения уголовно-правовой охраны. Преступление, предусмотренное ст. 123 УК РФ, направлено на нарушение установленного порядка медицинских вмешательств, но его непосредственным последствием, помимо причинения тяжкого вреда (или смерти) женщине, является прерывание процесса развития плода.

Особую остроту данная дискуссия приобретает при рассмотрении временных рамок внутриутробного развития плода и соотношении их с медицинскими критериями жизнеспособности. В контексте ст. 123 УК РФ представляется необходимым выделить качественный рубеж — 22 неделю беременности, который в современной медицине и праве рассматривается как точка перехода от эмбриональной стадии к стадии потенциально жизнеспособного человеческого существа. В контексте уголовно-правовой охраны это означает, что после указанного рубежа любое несанкционированное вмешательство фактически трансформируется из «искусственного прерывания беременности» в посягательство на жизнь существа, обладающего всеми биологическими признаками человека. Данный факт актуализирует дискуссию о моменте начала уголовно-правовой охраны жизни.

Согласно критериям, установленным Всемирной организацией здравоохранения и закрепленным в ведомственных актах Министерства здравоохранения Российской Федерации [5], именно с 22-й недели беременности плод при массе тела 500 граммов и более признается жизнеспособным. С юридической точки зрения это означает, что после указанного срока плод приобретает признаки физиологической индивидуализации, позволяющие ему при определенных условиях существовать независимо от организма матери. Следовательно, незаконное прерывание беременности на сроке

свыше 22 недель по своей социальной и биологической сути перестает быть исключительно посягательством на жизнь и здоровье женщины или установленный порядок оказания медицинских услуг, а трансформируется в акт лишения жизни существа, обладающего имманентным правом на её сохранение.

В этой связи концепция «права на жизнь», закрепленная в ст. 20 Конституции РФ, требует расширительного толкования. Если уголовный закон признает человека объектом охраны с момента начала родов, то фактическое состояние жизнеспособности плода на 22 неделе создает этико-правовую коллизию: существо, способное к жизни вне утробы, в случае совершения преступления по ст. 123 УК РФ, формально остается за рамками статуса потерпевшего. Представляется, что при достижении указанного срока плод должен рассматриваться как латентный потерпевший. Его право на жизнь, хотя и не коррелирует в полной мере с гражданской правоспособностью, объективно нарушается в результате неправомерных действий субъекта преступления.

Таким образом, право на жизнь в контексте ст. 123 УК РФ следует рассматривать не как дискретный акт, возникающий в момент рождения, а как динамический процесс, интенсивность правовой защиты которого возрастает пропорционально развитию плода. В случае незаконного прерывания беременности на поздних сроках плод выступает в качестве дополнительного объекта преступного посягательства.

Более того, признание плода «латентным потерпевшим» позволяет устранить этический и правовой диссонанс: если законодатель устанавливает конкретные сроки для законной процедуры прерывания беременности, он тем самым признает, что по истечении этих сроков интересы плода на сохранение жизни начинают превалировать над безусловным правом женщины на распоряжение собственным телом.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, вред причиняется двум субъектам. Если женщина является очевидным потерпевшим, чьи физическое здоровье и репродуктивная функция подвергаются опасности, то плод должен рассматриваться как потерпевший особого рода. Его статус обусловлен тем, что в результате преступления уничтожается само благо, на защиту которого направлены медицинские и правовые ограничения сроков прерывания беременности. Это позволяет говорить о необходимости признания за плодом статуса потерпевшего в материально-правовом смысле, что обеспечит более полную реализацию конституционного принципа приоритета защиты человеческой жизни.

Таким образом несмотря на то, что доктрина и буква закона выделяют в ст. 123 УК РФ только одного потерпевшего — женщину, современные реалии требуют дополнительного признания потерпевшим ребенка (плода), достигшего возраста 22 недель и веса 500 грамм. Из указанного также следует, что в случае незаконного проведения искусственного прерывания беременности

на таком позднем сроке состав преступления является двухобъектным: непосредственным — жизнь и здоровье беременной женщины, а дополнительным, при определенных условиях (жизнеспособность плода), — ребенок, чье право на жизнь оказывается грубо нарушенным преступными действиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — №144. — 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. № 63. Ст. 2954.
3. Коргулев А.Г. Понятие и признаки потерпевшего в уголовном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №6. — С. 163–167.
4. Анощенко С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенко; отв. ред. — Н.А. Лопашенко. — Москва: Волтерс Клувер, 2006 (М.: Тип. «Наука»). — 233 с.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. N 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» (с изм. и доп. от 13.10.2021) // Российская газета от 23 марта 2012 г. N 64.

© Чигринiec Владислава Сергеевна (chigrineczv@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»